

4. Taylor A.J.P. The Italian Problem in European Diplomacy. Manchester University Press, 1934.
5. Tout T.F. An historical "Laboratory" // The Collected Papers of Thomas Frederick Tout. 1932. Vol. 3.
6. Wrigley C.J. A.J.P. Taylor: Radical Historian of Europe. London: Tauris, 2006.

УДК 37.016:93

ББК ТЗр31

ГСНТИ 03.09

Код ВАК 07.00.09

Т.А. Леонова, И.А. Шутелева

Уфа

**«НОВАЯ ЛОКАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ»: ТЕОРИЯ И МЕДИА
ПРОЕКТЫ В ИСТОРИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: «новая локальная история», микроистория, реконструкция, медиа проект, повседневная жизнь, визуализация

АННОТАЦИЯ: В статье дана развернутая характеристика «новой локальной истории», получившей название тотальная история на микроуровне или микроистория. Показан опыт использования ее методов при создании визуальной реконструкции повседневной жизни человека в рамках студенческого медиа-проекта.

T.A. Leonova, I.A. Shuteleva

Ufa

**«NEW LOCAL HISTORY»: THEORY AND MEDIA
PROJECTS HISTORICAL EDUCATION OF
PEDAGOGICAL HIGH SCHOOL**

KEY WORDS: «A new local history» microhistory, reconstruction, media design, everyday life, visualization

ABSTRACT: The paper presents the detailed characteristics of the «new local history», dubbed total history at the micro or microhistory. The experience of using its methods when creating a visual reconstruction of everyday life within the student media project.

С легкой руки Ф. Анкерсмита историков делят на «парашютистов» и «искателей трюфелей» (1. Р.116). В более пристойном современном научном лексиконе, сучётом современных

постмодернистских веяний – это «глобалисты» и «локалисты», или же сторонники «универсальной» истории и «микроистории». Оба названных направления всегда существовали в практике и теории исторического познания. Но в наше время они абсолютизировались и радикализировались, как противоположные по методам и результатам направления. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в результате множественных «поворотов» на пути исторического познания XX века: социологического, антропологического, лингвистического, произошло «возвращение» к старым практикам в новых теоретических одеждах. Об этом говорят как сами названия исторических направлений исследования, так и их позиционирование в новой исторической науке, например: «новый историзм», «новая биографическая история», «новая локальная история». Что прозрачно указывает - объект исследования не сменился, но изменились технологии и предметная сфера исследования (2).

«Новая локальная история» как раз отражает названные модификации и новации. Как известно, ее название появилось в британской историографии 60-х гг. XX в., в которой изменилось видение предмета исследования благодаря использованию теоретических методов микросоциологии. В течение второй половины XX в. «новая локальная история» заменила старые модели исторического краеведения, которое в этой стране имело глубокие корни, восходя к эрудитским сообществам XVI века. В британской «новой локальной истории» сложилось два направления. Для первого характерна опора на «локальность» (от *locus* – кусочек) – от раскрытия функционирования и внутренней организации социальной среды – к выявлению многообразия человеческих общностей. На основе сетевого анализа исследуются соотношения между собой и социальные стратегии различных общностей. Во втором исследуется та же проблема, но со стороны индивидов, составляющих ту или иную общность. Используется вся совокупность источников, и все аспекты жизни индивидов (11. С.165-166).

В результате, британские локальные исследования стали приближаться к идеальной теоретической модели, получившей название - тотальная история на микроуровне. Такого типа исследования были направлены на максимальное использование разнообразных приемов анализа и фронтальную обработку местных архивов (налоговые описи, завещания, судебные протоколы и др.). Это

восстановление жизненных судеб индивидов и их межличностных взаимодействий. А затем – создание целостной картины повседневной жизни местной общины, которая включалась в общую канву макропроцессов во всех сферах общественного бытия (6).

Что же анализируется в данном типе локально-исторических исследований? К примеру: структура семьи и домохозяйства; правила наследования; социальная функция полов; средства социального контроля и распределения власти и влияния внутри общины. В хорошо сохранившихся архивах Британии возможен такой сетевой анализ не только по истории XX века, но даже в исследованиях по средневековой истории. Своего рода побочным продуктом применения социологических и антропологических моделей сетевого анализа межличностных отношений стало развитие так называемой контекстуальной исторической биографии – просопографии (3. Р. 40). Этому способствует деятельность Национальных архивов Великобритании, пропагандирующих наличные фонды, например, по истории семьи, бесплатно выкладывают информацию и даже документы через сеть Интернет.

В качестве «новой локальной истории» на рубеже XX-XXI вв. формируется еще один путь развития в виде Регионоведения, в рамках которого произошло размежевание региональной истории с национальной историей. В России наиболее распространена «политологическая версия». Региональные сообщества отечественные исследователи часто определяют по территориальным административным границам (округов, областей) и даже ретроспективно используют современные границы, без учета их подвижности, отсутствия их современных названий и территорий в прошедшие эпохи (4. С. 13).

С начала XXI в. в результате так называемого «культурного поворота» в социально-гуманитарных знаниях приоритет в регионально-исторических научных исследованиях перешел из сферы экономики в культурную специфику регионов. Региональная история сегодня выступает в двух различных культурных контекстах, имеющих разную идейную ориентацию. Первый, как способ мобилизации исторической памяти – историко-культурное краеведение или «история родного края», которая составляет национально-региональный компонент школьного образования. Причиной такого статуса краеведения многие исследователи

указывают поощрение местными властями, как идеологического средства государственного и национального утверждения регионов. В данном контексте, например, Румянцева М.Ф. считает, что краеведение и новая локальная история – это «два оппонирующих типа локальных/региональных исследований – интравертный и экстравертный соответственно». В этой связи новая локальная история является «концептуальной основой преодоления ксенофобии и воспитания толерантного мировосприятия» (12. С.132). В связи с этим можно сослаться на опыт, Ставрополя, где разработана концепция локальной истории и создан научно-образовательный центр «Новая локальная история», имеющий межвузовскую научно-образовательную программу.

В рамках региональной истории сформировался интерес к истории городов. Оговоримся, что историческая урбанистика имеет большой опыт, особенно в западноевропейской историографии. Однако с конца XX в. среди множества подходов к истории городов выделился локальный подход, предметом которого является город как целостный организм в контексте его исторически и географически обусловленных связей. По сути, это биография города и его институтов в сочетании с местной историей. В наши дни «новая городская история» имеет тенденцию смещения интереса к изучению «внутренней» истории городского пространства через исследование отдельных групп населения в жанре микроистории (10).

Микроистория - «новая локальная история» по-итальянски (К. Гинзбург, Э. Гренди, Дж. Леви, С. Черутти). В 1977 г. вслед за выходом в свет знаменитой книги К. Гинзбурга «Сыр и черви», Э. Гренди высказался за широкое применение в социальной истории, исторической антропологии микроанализа, понимаемого, как анализ межличностных отношений (6). К концу XX века микро история стяжала мировой успех. В ноябре 2003 г. К. Гинзбург приехал в Москву, где в своем выступлении заметил, что восприятие микроистории в каждой стране имеет свою специфику. В результате возникают отличные друг от друга историографические модели.

Однако микроисторические исследования ограничены спецификой необходимых источников. Реконструкция социальных связей основывается на анализе внешней деятельности людей: нотариальных актов, завещаний, приходских книг. Но эти документы не дают возможности воссоздать внутренние ощущения и мотивы

поведения или жизненного выбора конкретного человека. Для этого необходимы личные документы: дневники, записи, переписка, зафиксированные диалоги. Исходя из особенностей документальной базы, Симона Черутти представила своеобразную программу развития микроистории на современном этапе. Образно говоря, она выделила 2 направления микроисторических исследований: одни интересуются желудками (социальный аспект), а другие – головами (внутренний мир, культура индивидов) (14. С. 205).

В Германии «новая локальная история» с конца 70-х гг. XX века получила название «история повседневности». С этого времени стремительно развивался массовый интерес к изучению своего города, поселка, истории семьи. Этот интерес к опыту переживаний «маленького человека» получил название «история снизу». Соответственно, и хронологические рамки таких исследований сместились из глубины средневековья, минувшее новое время, на изучение истории и быта очевидцев XX века.

Таким образом, главным достижением «новой локальной истории» является то, что в исторических исследованиях появился человек, как индивидуальность, который терялся из поля зрения исследователей макропроцессов.

В практическом применении теоретических достижений «новой локальной истории» в системе образования можно назвать визуальную реконструкцию событий, связанных с индивидуальностями разных эпох.

Становление будущего профессионально подготовленного учителя истории невозможно без освоения им основных приемов и методов исторической науки, компетентного в применении различных педагогических и исторических технологий не только в образовательной, но и исследовательской деятельности. Многолетний опыт преподавания в педагогическом вузе показывает, что ряд научных методов исторического исследования и целеполагания вполне уместны при игровой форме реконструкции событий и явлений исторического прошлого.

С точки зрения современной исторической науки, работа историка заключается в реконструкции не только событий, но образа жизни, в том числе повседневности, человека прошлого в различных ее проявлениях. В настоящее время исследованием, практическим использованием методов исторической реконструкции,

моделированием исторических ситуаций с использованием методов «новой локальной истории», воплощением их в визуальные образы в рамках научно-образовательного медиа проекта занимается Лаборатория Методологии и методов гуманитарных исследований кафедры всеобщей истории и культурного наследия БГПУ им. М. Акмуллы.

В Клубе исторической реконструкции *Viaviatoris* (Путь паломника) осуществляется проект «Се Человек» перед судом», который был запущен в 2010 году. Перед авторами проекта стояла задача создать не модель формализованного судебного процесса, а смоделировать в виде сценографии жизненные ситуации, которые нашли отражение в различных памятниках и текстах конкретных исторических эпох, а также возможное восприятие смоделированных событий, как современниками, так и потомками.

В рамках проекта Клуба исторической реконструкции создана серия научно-образовательных фильмов с применением теоретических методов исследования «новой локальной истории», что позволяет вести практическую работу по внедрению симуляционного обучения в процесс формирования специальных компетенций бакалавров педагогического образования.

Наиболее ярко обозначенные нами направления в «новой локальной истории» демонстрируют два фильма. Во-первых, это актуализация краеведения по английской модели тотальной истории на микроуровне, представленная в фильме «Провинциальная усадьба в 1812 году», сценарий которого создан на основе обработки архивных материалов из фондов ИА РБ (г. Уфа). Материалы по данному виду работы были представлены на Международных и Всероссийских конференциях (8; 9).

Сценография научно-популярного фильма «Провинциальная усадьба в 1812 году» создана на базе Лаборатории и ЦИТ БГПУ им. М. Акмуллы, как коллективный студенческий проект, в котором приняли участие свыше 50 студентов. В фильме представлены персонажи и реалии жизни губернской Уфы, которые, по преимуществу, впервые введены в научный оборот. На основе этих архивных данных был создан визуальный образ дворянской Уфы начала XIX в. Огромную роль в воссоздании культурной среды Аксаковской эпохи сыграли творчески ориентированные студенты, обучающиеся на всех профилях бакалавриата ИИиПО. Это был

массовый проект, который позволил смоделировать происшествия одного дня в доме судьи Уфимского уезда Луки Пахомова. В проведенной реконструкции на основании архивных документов был воссоздан быт и повседневная жизнь семейства Заседателя от дворянства, коллежского асессора Л. А. Пахомова. Различные документы Оренбургского губернского правления, Уфимского губернского суда за период с 1810 по 1815 г. свидетельствуют об активной его деятельности на судебском поприще. Оказалось, что будничная жизнь провинциальной Уфы была насыщена событиями, в центре которых, так или иначе, оказывался Лука Пахомов. Для воссоздания материального мира эпохи были использованы помещение и интерьер Дома-музея С.Т. Аксакова, которые дали приют семье Пахомова.

Во-вторых, реконструкция и визуализация микроисторического подхода, который демонстрирует итальянская историография с ее интересом, как назвала его известная исследовательница Симона Черутти, к «головам», или культуре индивида в историческом прошлом. Данный подход использован нами в фильме «Меноккио или «у каждого свое ремесло», работа над которым завершена в начале 2015 г. В сценарии фильма использована историческая фабула, ее контекст и документы, содержащиеся в опубликованном исследовании итальянского историка К. Гинзбурга «Сыр и черви» (7).

Работа со значительной группой студентов (30-50 человек) над медиа-проектом, убеждает в результативности и необходимости использования интерактивных приемов, как в аудиторной, так и вне аудиторной работе при изучении всемирной и Отечественной истории. В давние времена христианский богослов Василий Великий сказал: «Пусть язык поет, а ум прилежно размышляет над смыслом песнопения», что не устарело и по настоящее время. Визуальная реконструкция, создающая условия для симуляционного обучения с использованием методов «новой локальной истории», в частности, в виде действующего медиа проекта «Се Человек» перед судом», способствует не только развитию исторического сознания и самоидентификации студента, но и формированию у него профессиональных компетенций.

Литература:

1. Ankersmit Frank R. The origins of Postmodernist historiography//Historiography between modernism and postmodernism. Contribution to the methodology of the historical research. Amsterdam, 1994. P. 3-130.
2. Gerhard Jaritz. The History of Late Medieval Everyday Life. A Review of Patterns and Contracts // New approaches to the history of Late Medieval and Early Modern Europe: selected proceeding of two International Conferences at the Royal Danish Academy of Sciences and Letters in Copenhagen in 1997 and 1999/ Ed. FlemmingLundgreen. Neilsen, 2009. P.122 – 143.
3. Ormrod W.M. The new political history. Recent trends in the historiography of Later Medieval England // New approaches to the history of Late Medieval and Early Modern Europe: selected proceeding of two International Conferences at the Royal Danish Academy of Sciences and Letters in Copenhagen in 1997 and 1999/ Ed. FlemmingLundgreen. Neilsen, 2009. P. 37 – 59.
4. Бусыгина И.М. Политическая регионалистика. М., 2006.
5. Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в./ Пер. с итал. М.Л. Андреева, М.Н. Архангельской. М.: РОССПЭН, 2000.
6. Кром М.М. Историческая антропология: учеб. пособие для вузов. 3 - изд. СПб., 2010.
7. Леонова Т.А. Интервью на телеканале «Культура»: URL: <http://www.youtube.com/watch?v=m387jEBnwhI>
8. Леонова Т.А. Вуз – архив – музей: опыт сохранения и визуализации исторической памяти // Историческая наука и образование в условиях современных вызовов: Материалы международной научно-практической конференции, Казань, 22-23 ноября 2012 г. Казань: Изд-во Казан. Ун-та, 2012. С. 297-299.
9. Леонова Т.А., Шутелева И.А. Локальная история: изучение и визуализация на материалах о дворянстве Оренбургской губернии в студенческом проекте // Российская история в начале XXI века: опыт, проблемы, перспективы. Международная научно-практическая конференция. Оренбург, 13-14 мая 2014 г.: сб. статей. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2014. С.187-193.
10. Миненко Н.А., Апкаримова Е.Ю., Голикова С.В. Повседневная жизнь уральского города в XVIII – начале XX века. М.: Наука, 2006.
11. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX – XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011.
12. Румянцева М.Ф. Теория истории. М.: Аспект. Пресс, 2002.
13. Фадеева Л.А. Сквозь призму политической культуры: нация, класс, регион. Пермь, 2006.
14. Черутти С. Микроистория: социальные отношения против культурных моделей?// Казус. 2005.